

кән «Эшче» операсын да шұшы милләт композиторлары һәм шағыйре ижат иткән. З.Виноградов, С.Габәши, Г.Әл-мөхәммәтов һәм Мәжит Гафурилар, — дидем.

Уземне кулга алып, Нигъмәт ариясенең ике куплетын да уңышлы гына ерып чыктым. Кәтмәгәндә янғыраган көчле алқышлардан шүрләп калдым. Сәхнәдән качам дигәндә генә, Бәйдійгөв, тұктатып: «Ашықма, тагын нәрсә уйныйбыз?» — дигәч, мин Салих Сәйдәшевнен, «Хуш, авылым»ын башкардым.

Урыныма төшеп утыруға, Фуад ага, мине ике куллап тәбрикләп: «Коеп куйған артист бит син, ташла заводыңы, станокларыңы», — дип күнделемне күтәрде.

Фуад ага белән Мәскәүдән дә бер купеда кайттык. Ул тагын салпы ягыма салам кыстыргач, мин, көрсөнеп: «Рәхмәт сезгә, мин — гомерлек инженер, миңа сәхнәгә күтәрелергә соң инде», — дип күйдым.

Әйе, миннән артист чықмады. Ләкин күренекле сәхнә йолдызларыбыз, халқыбызның яраткан кешесе Фуад ага Халитов белән бер атна буена күрешеп сөйләшүләр хәтеремдә нык уелып калды.

Фуад аганың күрәзәчелеге тормышка ашты бит. Н.Хрущевны шома гына төшереп, Л.Брежнев аның тәхетеңе менеп утырды.

Татар иле
Сентябрь, 2002

Ильтани Илярова

СМЫСЛ ЕГО ЖИЗНИ

К 70-летию народного артиста СССР
Фуада Халитова

Народный артист. Это звание как нельзя лучше определяет личность Фуада Халитова — человека, не представляющего себя вне сцены. Актер в течение всей своей 50-летней творческой деятельности горячо и страстно утверждал и утверждает созидательный пафос нашей жизни, высокие моральные принципы.

Роли, роли... Их наберется не один десяток. Разных героев — старых и молодых, добрых, злых, волевых и слабых. Сколько они доставляли счастья, радости и огорчений! Непрерывные поиски образа, поиски характера. То ты превращаешься в разведчика, идущего тропинками и болотами дорогами, то поднимаешься на высокие горы, то проваливаешься в пропасть, и, кажется, не выбраться из нее.

В Татарском академическом театре имени Г.Камала Халитов возмужал, вырос в актера, которого сегодня все знают и любят. Он — подлинный представитель школы перевживания, понимает, что главное — психологический анализ роли. Но он также помнит, что, стремясь к глубине психологической разработки, ни в коем случае нельзя забывать о внешней стороне образа, его форме. Без техники, артистизма не получится создать полнокровный, запоминающийся образ. У актера должны быть безупречными все средства внешней выразительности — голос, дикция, пластика, служащие в конечном счете раскрытию сущности человеческого характера.

Халитов в молодости интуитивно, а потом уже осмысленно постигал премудрости мастерства. Он ритмичен, прекрасно двигается на сцене. Все это позволило ему создать ряд замечательных образов, ставших в один ряд с лучшими творениями мастеров советской сцены.

Все то, что зрело годами, накапливалось по крупицам, Халитов щедро, самозабвенно дарит зрителю.

В 50—70-е годы наступил расцвет его творчества. В этот период им созданы такие яркие образы, как Муса Джалиль в одноименной трагедии Н.Исанбета, Сагдетдин («Шамиль Усманов» А.Гилязова и А.Яхина), Прибыткин («Последняя жертва» А. Островского), Аглиулла («День рождения Миляushi» Т.Миннуллина), Шехмирза («Американец» К.Тинчурина), Рисположенский («Свои люди — сочтемся» А.Островского), Ахтям («Мужчины» Т.Миннуллина), Абдульхамит («Фатима Сабри» С.Джамала).

Реалистическое актерское искусство — это не застывшие формы, в которые вливается новое содержание, это необычайно гибкая категория, которая меняется под воздействием отражаемой им действительности; это, образно говоря, чуткий, всеулавливающий сейсмограф. Искусство всегда массово, объединяющее. Актер обращается не к отдельной личности, а к обществу. В зрительный зал вместе с публикой входит сегодняшняя «злоба дня», она предъявляет свои требования, ждет от него ответа на многие вопросы. Актер должен утвердить себя на протяжении жизни того поколения, которое его выдвинуло. Именно потому, что искусство театра, в отличие от всех других искусств, творится только исключительно для современников, его связи с сегодняшней жизнью чрезвычайно обострены.

В этом отношении Фуад Халитов добился многого. Его глубоко гражданственное творчество всегдаозвучно мыслям и чувствам современников.

Халитов всю свою сценическую жизнь старается быть

на уровне требований времени, не отстать от века. Он живет напряженной жизнью, он — в постоянной работе, в энергичном поиске. А это требует, в свою очередь, настойчивой учебы, неустанного совершенствования мастерства.

Актер понимает, что диалог в сегодняшнем спектакле должен быть кратким, ясным, афористичным, ибо темп нашей жизни чрезвычайно стремителен. Понимание условий действительности приводит к точному решению образов. Причем по-сегодняшнему трактованными оказываются в игре Халитова не только персонажи современных пьес, но и герои классических произведений.

Множеством штампов, как правило, обрастают при исполнении роли в пьесах классиков, Халитов же всякий раз уверенно избегает повторов. Блестящим доказательством тому служат роли Прибылкова и Рисположенского, сыгранные им в спектаклях по произведениям Островского.

На сцене Халитов ни на секунду не выключается из действия. На протяжении всего спектакля зритель чувствует его внутреннюю жизнь, которую на театральном языке называют вторым планом роли. Для актера очень важной частью образа остается внутренний монолог, который он ведет на протяжении всего спектакля. Потому-то, как правило, образы его героев так глубоки и объемны.

В спектаклях последнего десятилетия Халитов совместно с режиссерами ищет новые выразительные средства, пути углубленного раскрытия характеров. Он достигает безупречного логического развития своих персонажей, глубины перевоплощения. Жизненно достоверен, точен, например, Ахтэм («Мужчины»), сыгранный в близком татарскому театру стиле психологической драмы. Актер раскрыл противоречивую натуру своего героя, несущего крест страдальца и мученика и цинично наблюдающего за проносящейся мимо бурной жизнью.

В 70-е годы Халитов еще более пристально вглядывается в современность. Этот вдумчивый взгляд чувствуется в ролях, которые он создает в новых советских пьесах. Ученый Арсланов («Суд совести» Д. Валеева), начальник цеха Хисами («Узы родства» Ю. Аминова), директор крупного завода («Человек со стороны» И. Дворецкого), чилийский журналист Карлос Бланка («Интерью в Буэнос-Айресе» Г. Боровика), Турай («Не улетайте, жаворонки!» А. Гилязова), Магнави («Я вернулся на твое место» Р. Хамидулина) — все эти герои, живущие в одно время с самим актером, интересны ему. Поэтому в них он ищет и характерные, индивидуальные черты, и общие признаки людей второй половины XX века.

Фуаду Халитову исполнилось 70 лет. За его плечами богатый жизненный путь, отмеченный большими и малыми творческими победами. Актер видит смысл своей жизни в служении народу, поэтому сцена для него — это прежде всего место, где он выполняет свой гражданский долг.

Театр, позволяющий утверждать возвышенные, благородные мысли и чувства, стал смыслом и содержанием жизни народного артиста СССР Фуада Халитова.

Советская Татария
1979, 18 февр.

✓ R.Элин (Рустем Халитов)

ТАЛАНТ, ОТДАННЫЙ ЛЮДЯМ

Сегодня общественность республики торжественно отмечает семидесятилетие народного артиста СССР, старейшего актера Татарского ордена Ленина государственного академического театра им. Г. Камала Фуада Ибрагимовича Халитова.

Закончен спектакль. Опустел зрительный зал. Машинисты сцены убирают декорации, и на пустом пятаке остается лишь треножник с небольшой лампочкой.

В эти минуты Фуад Халитов любит спуститься со сцены в зал, сесть где-нибудь в ряду двадцатом, на крайнее место, — и вспоминать. Он глядит на огонек, что светится на сцене, и в его воображении встают десятки образов, созданных им в этом театре за сорок с лишним лет.

Сколько их было? Однажды он с карандашом в руках попытался составить точный перечень, но сбился со счета. А потом, уже ночью, вспомнил еще несколько ролей, сыгранных в Рабочем театре в начале 30-х годов.

В те годы он мог переплыть Волгу в самом широком месте, без передышки пробегал на лыжах 30-километровую дистанцию, сгибая в узел железную кочергу, а после тяжелого трудового дня приходил в Клуб меховщиков и участвовал чуть не во всех постановках и агитвыступлениях молодежной группы.

...Не устаю удивляться его наблюдательности. Идет по улице — и вдруг обернется и долго смотрит вслед прохожему. А потом, когда смотришь новый спектакль с его участием, невольно вспоминаешь того случайного прохожего, узнаешь его в характерном жесте, в походке.